

«Кто убил Ф. П. Карамазова?»

2 апреля 2009

Музей современного искусства РБ
им. Н. Латфуллина

Б. В. Орехов (к.ф.н., ст. преп. каф. зарубежной литературы и страноведения, ст. преп. каф. русского языка БГПУ им. М. Акмуллы), **М. С. Рыбина** (асс. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Л. А. Каракуц-Бородина** (к.ф.н., доц., зав. каф. журналистики ВЭГУ), **С. М. Шаулов** (к.ф.н., доц. каф. зарубежной литературы и страноведения БГПУ им. М. Акмуллы), **Р. Р. Вахитов** (к. филос.н., доц. каф. истории философии и науки БашГУ), **Р. С. Бакаев** (студент факультета философии и социологии БашГУ), **С. С. Шаулов** (к.ф.н., ст. преп. каф. русской литературы и фольклора БашГУ), **А. А. Галлямов** (к.ф.н., доц. каф. русской филологии БашГУ), **Е. А. Слободян** (к.ф.н., ст. преп. каф. русского языка БГПУ им. М. Акмуллы)

Б. В. Орехов: Вот перед нами есть роман Достоевского «Братья Карамазовы». Обычно, когда обращаются к этому роману, исходят из законченности представления о том, что эта история с убийством ложится в смысле ответственности за практическое исполнение на Смердякова. Однако появляется некоторый автор (и, возможно, это не единственный случай) Олег Ликушин, который говорит о том, что необязательно верить этому расхожему мнению, и (такая формулировка звучит среди его сторонников), если убийство отнести на счёт другого персонажа, Алёши Карамазова, то «всё становится на свои места» (правда, я затрудняюсь сказать, что именно на эти места становится). Однако же проблему можно обозначить таким образом: если предположить, что убийство совершено не Смердяковым, то к чему, к какому положению вещей это нас приводит? В самом тексте романа не очень определённая ситуация. Из него не вытекает однозначного решения вопроса об убийце. В каком положении оказывается читатель и литературовед? Сам Достоевский на этот счёт имеет свою позицию?

С. С. Шаулов: Насколько я понимаю, вопрос «кто убил?» перед самим Достоевским всё-таки не стоял. Во всяком случае, никаких упоминаний об этом в письмах, в воспоминаниях жены или сколько-нибудь близких людей я не знаю. Есть другой вопрос. Для начала мы попробуем на этот уровень восприятия спуститься. Хорошо, предположим, что убил не Смердяков (почему убил не Смердяков, тоже уже расписано в мистификации a-la Конан

Дойл¹, где представлена достаточно логичная версия: Смердяков признаётся в преступлении от помрачения рассудка), тогда кто мог убить? Алиби нет у Дмитрия. Собственно, у него не просто нет алиби, но он находится в саду в момент убийства. Тогда придётся допустить, что в этих отточиях (вероятно, вы все помните этот эпизод, где он прячется в кустах, думает «Калина, ягоды, какие красные!», откуда потом у Шукшина это появится; заносит руку с пестиком, Фёдор Павлович высовывается в окно, затем идёт строка с многоточием, и повествование прерывается на этом месте) как раз содержится убийство, то есть он опускает руку с пестиком на лоб Фёдору Павловичу. Холмс в этой мистификации убедительно логически доказывает, что мог убить именно Алёша. Ну, если с этой точки зрения подходить, кто мог убить, кто имел мотив и так далее, то убийцей может оказаться любой из братьев — во-первых, во-вторых — действительно, Ракитин мог оказаться убийцей, и, в принципе, дальше уже можно до бесконечности.

Б. В. Орехов: Ну, ясно, значит, перед Достоевским — если резюмировать — перед Достоевским этот вопрос не стоял; перед читателем он может встать с достаточно большой неопределённостью.

С. С. Шаулов: Если его задавать. Другой вопрос — мне кажется, более интересный — это вопрос о том, почему у читателя возникает такой вопрос.

Б. В. Орехов: Ну, он не сразу возникает.

М. С. Рыбина: Не Алёша ли? Или вообще, кто убил?

С. С. Шаулов: Не Алёша ли и вообще, кто убил.

М. С. Рыбина: Ну, «не Алёша» — это понятно: потому что повествователь так настойчиво говорит о его невиновности, что это не может не вызвать ответную реакцию.

С. С. Шаулов: Ну, вы знаете, есть роман «Идиот». Кстати, вот тут он тоже упоминается. Мне кажется, что, читая роман «Идиот», невозможно не понять, что князь Мышкин — это хриstopодобный человек, но, тем не менее, в современном достоевковедении есть целая линия (это не один автор, не два и даже не десять), которые логически, убедительно доказывают, что князь Мышкин — это антихрист.

Б. В. Орехов: Так же логически и убедительно, как Раскольников свою теорию?

С. С. Шаулов: Примерно.

М. С. Рыбина: Особого противоречия не вижу, честно говоря.

С. С. Шаулов: В принципе, в случае с «Идиотом» понятно, откуда восприятие такое. Потому что если Мышкин становится автором на место Христа (и, собственно, в романе этот конфликт тоже есть — от него все ожидают

¹ Рассказ Сергея Борисова «Смерть русского помещика», по ошибке попавший в русское собрание сочинений А. Конан Дойла.

спасения и воскресения, а спасения и воскресения нет; если на роман накладывать евангельский сюжет, то роман кончается Голгофой: там нету преображения последующего, вознесения и так далее). И это, разумеется, для читателя является искушением.

Б. В. Орехов: Вопрос вот какой здесь любопытный. В традиции восприятия можно как-то уловить, с какого момента эта проблема вообще возникает — это Ликишин первый придумал?

С. С. Шаулов: Нет, это не Ликишин придумал. Когда он возникает, я, наверное, не возьмусь так вот ответить, когда это точно возникает, но вот эта проблема искушения текстом Достоевского — она существует всегда, и через разные искушения литературоведение в этом смысле проходило. Первое искушение было в том, чтобы отождествить Достоевского с подпольным человеком. Благополучно через это «проехали», выяснилось, что, всё-таки, подпольный человек — это не Достоевский, следующая проблема — это то, что подкинул Страхов: «Достоевский — Ставрогин».

Б. В. Орехов: Звучит как «англичанка гадит».

С. С. Шаулов: Ну, примерно так, да. Выяснилось, что это сплетня, которую запустил Тургенев, и тоже это искушение литературоведение преодолело. Сейчас вот — такие искушения. То есть тут речь идёт о некоем свойстве текстов Достоевского, способных читателя провоцировать на такие вещи. И остаётся некий будоражащий вопрос, который в процессе своего решения может читателя довести до каких-то весьма нелогичных интерпретаций, так скажем.

Б. В. Орехов: Получается, что, всё-таки, интерпретацию, при которой виновником оказывается не Смердяков, можно признать нелогичной?

С. С. Шаулов: На мой взгляд, да.

Б. В. Орехов: Потому что одно дело — это когда автор не задавался этим вопросом, а другое дело — некая внутренняя логика текста. Здесь, как раз, на логику и напирают эти товарищи — Холмс...

С. С. Шаулов: Холмс — это литературная мистификация в любом случае...

Б. В. Орехов: И что?

С. С. Шаулов: ...даже речь не о том, что это мистификация современного автора-переводчика, а речь о том, что это по жанру мистификация. Там и в самом тексте понятно, что Холмс мистифицирует вас, просто разыгрывает, показывая, логическим путём, к чему можно прийти.

Б. В. Орехов: Я согласен, но, на мой взгляд, это не повод сбрасывать со счёта этот вопрос, эту идею саму по себе.

С. С. Шаулов: Не повод, но все эти интерпретации порождены таким желанием...

Б. В. Орехов: Расшатать?

С. С. Шаулов: Не расшатать, а как бы расшифровать то, что, что не требует расшифровки. Не знаю, такая криптомания какая-то. В тексте сказано «а», но, вот, если в тексте хорошо порыться, может быть, там сказано «б». На самом деле, может, это опять некое свойство текстов Достоевского — будоражащее, провоцирующее на такие вещи.

А. А. Галлямов: Да, у него же нигде нет указаний, у него там рассказчик везде: «по слухам», «говорят» — нигде точного указания нет.

С. С. Шаулов: Плюс — да, у него сам способ повествования, собственно, провоцирует, опять же, некую нелегитимность рассказчика. Даже и в «Братьях Карамазовых» это всё равно рассказчик — это не всеведущий автор, как у Толстого, у которого априори известно всё на свете.

М. С. Рыбина: Когда в такие моменты он говорит, о чём подумал Алёша в будущем... (смех) Нет, ну я понимаю, что речь идёт о разных субъектах.

С. С. Шаулов: Нет, в том-то и дело, что субъект один, но он...

Б. В. Орехов: Обладает свойствами разными.

С. С. Шаулов: Да. Субъект с изменяющимися свойствами. Точно. Он то герой-рассказчик, который оперирует слухами, мнением, то вдруг он превращается во всеведущего абсолютного субъекта и знает, о чём там Дмитрий думал в саду у Фёдора Павловича...

М. С. Рыбина: ...и Иван со Смердяковым говорит.

Б. В. Орехов: Если поддаться на эту провокацию, что это нам даёт?

М. С. Рыбина: Вообще-то, ничего...

А. А. Галлямов: Тайна всё равно остаётся, потому что по всем показаниям убил Дмитрий. Который вдруг потом говорит, что он не убивал. Потому что при вот этом многоточии он уже (я посмотрел) через минуту побежал бы к двери. Значит, он в эту минуту успел бы ударить. А потом, если убил не Дмитрий, где он мог в этом саду спрятаться, этот убийца? По медицинским показаниям, Смердяков по определению не мог убить. Если он не симулировал настолько искусно — человек просто не может в таком состоянии что-то сделать.

С. С. Шаулов: В том-то и дело, что он симулировал.

М. С. Рыбина: Дмитрий сказал, что он не убивал. А потом он говорит, что убил Смердяков и Алексей как раз потом Грушеньке говорит, что этого свидетельства ему было достаточно. Он действительно мог представить, что он не убивал, особенно если он был в состоянии аффекта.

Р. С. Бакаев: Но ведь адвокат и говорит, что нет прямых улик, есть только косвенные.

А. А. Галлямов: Но там есть ещё интересная вещь: поклонился он не Дмитрию, поклонился старецу-то...

С. С. Шаулов: ...а страданию великому.

А. А. Галлямов: Да. То есть, он взял на себя грехи, не совершая их?

С. С. Шаулов: Но, с другой стороны, не сказано, что он не совершит грехов, за которые это страдание.

Б. В. Орехов: Там, значит, вот этот вопрос относительно того, что это нам даёт, от которого мы лихо отказались...

С. С. Шаулов: Нет-нет, почему, мы не отказались — это нам даёт кучу дополнительных вопросов. Первый из них вот такой: а зачем это Алёше? Чисто сюжетно даже вот — зачем?

С. М. Шаулов: Мотив.

Б. В. Орехов: Это разговор в криминалистической такой плоскости.

С. С. Шаулов: Мы и начали с этой криминалистической плоскости, давайте будем последовательны.

С. М. Шаулов: Мы тут и разговариваем как о детективе.

Б. В. Орехов: Ну, вопрос так поставлен — детективно.

М. С. Рыбина: Сюжет детективный.

С. М. Шаулов: А вот что это даёт — да это русский протеизм какой-то даёт: все святые — и все убийцы.

Б. В. Орехов: Чисто Достоевский парадокс.

С. С. Шаулов: Да, кстати, действительно. Как в том же романе сказано: «Широк русский человек, я бы сузил». А ещё это свойство современного человека, что для него такие вопросы возникают.

Б. В. Орехов: Ему свойственно не доверять.

Р. Р. Вахитов: Ему свойственно авторитеты ниспровергать.

С. С. Шаулов: Я бы даже сказал, что ему свойственно не верить. Не только писателю, но вообще в широком смысле.

Р. Р. Вахитов: Ему свойственно всё выворачивать наизнанку. Если раньше Зоя Космодемьянская была героиней, давайте сделаем так, чтобы она была террористкой.

Б. В. Орехов: Насколько я представляю себе тот исходный текст, метатекст, от которого и пошла наша сегодняшняя тема, он крутится вокруг вот этой идеи про будущее Алёши, он развивается, потому что это, вроде как, органически свойственно его образу, потому что предполагается некое развитие его в сторону революционерства, да?

С. С. Шаулов: Да. Но это только одна из версий.

С. М. Шаулов: Террориста и цареубийцы.

Б. В. Орехов: Это вопрос некоторым образом аналогичный, получается, и будущему Онегина, про которого тоже, в общем, ничего явно не сказано, но некоторые намёки якобы позволяют сделать вывод, что в будущем Онегин должен стать декабристом. Я не имею ответа на поставленный вопрос. Скорее, эмоционально, конечно, склоняюсь к тому, что не должны.

С. С. Шаулов: Мне тоже кажется, что говорить о том, кем должны были стать и что бы там могло, вообще, стать с героями романа — и на этой по-

чве потом строить какие-то интерпретации самого романа — нельзя, данных нет никаких объективных. Параллельно с версией будущего «Алёши-царевича» есть другая версия — «Алёша-сельский учитель». Есть версия, по моему, ещё — «Алёша в Петербурге».

Р. Р. Вахитов: Да, это уязвимо всё.

Б. В. Орехов: Просто, Рустем Ринатович, всё уязвимо с такой сложной системой, как художественный текст.

С. С. Шаулов: В данном случае это особенно уязвимо, потому что автографов и личных указаний на это нет.

М. С. Рыбина: Тут и текста нет.

С. С. Шаулов: Да, собственно, текста нет — есть только разные мнения о тексте.

Р. Р. Вахитов: То есть, это уже домыслы, в общем-то?

С. С. Шаулов: Нет, в принципе, все домыслы базируются на воспоминаниях, что Достоевский кому-то что-то сказал: Суворину, Анне Григорьевне...

Б. В. Орехов: ...что, строго говоря, трудно проверить. А вот это довольно любопытная уже проблема, которая, в принципе, больше по теме нашего семинара: что более уязвимо, а что менее уязвимо при интерпретации. Вот, значит, если у кого-то какие-то соображения по этому поводу есть — где вообще критерии эти самые — то за это можно было бы ухватиться с какой-то пользой для себя. В смысле, в одних случаях мы опираемся на какие-то текстуальные указания, а в другом случае даже на не сам текст, а некие выводы, сделанные из этого текста. И мы в таком случае оказываемся на более зыбкой почве. Просто если проводить аналогию, например, с лингвистикой довольно далёкой, то в какой-то момент, когда мы пытаемся выяснить древнейшее состояние языка, у нас не оказывается для этого под рукой никакого материала, потому что некое древнее состояние языка просто не зафиксировано письменными источниками. И тогда древнейшее состояние, допустим, общеславянского языка выводится, реконструируется по древнему состоянию языков славянских, зафиксированных в письменном виде, а что делать, скажем, с более древним состоянием — индоевропейским? Тогда берутся древнейшие какие-то реконструкции каждого из индоевропейских праязыков и сравниваются между собой — получается индоевропейское состояние. Чтобы идти дальше, опять-таки нужно в качестве основы взять реконструкцию — что-то такое гипотетическое. Здесь же получается некоторым образом аналогичный ход?

С. С. Шаулов: Ну, да.

М. С. Рыбина: Не совсем. Ведь тогда есть несколько всё-таки возможных праязыков, которые можно сравнить, несколько возможных «построманов», которые вроде бы написаны... С чем сравнивать, если явление в этом смысле всё-таки уникально?

Р. Р. Вахитов: Это домыслы на основе воспоминаний людей, да? Это можно соотнести со священным писанием, священным преданием.

А. А. Галлямов: А в самом тексте как раз и получается, что три-четыре человека могли. Кто из них — мы так и не узнаем. Наиболее вероятный кандидат — Дмитрий, возможный кандидат — Алёша, вполне возможно, что Смердяков и совершенно немыслимый Ракитин ещё, у которого нет алиби.

С. С. Шаулов: Почему немыслимый, кстати?

А. А. Галлямов: А ему-то зачем? Мотив какой-то должен быть.

С. С. Шаулов: А у него мотив есть.

М. С. Рыбина: Из вредности!

С. С. Шаулов: Нет, ну почему из вредности?

Р. Р. Вахитов: А какого рода был мотив старушку убить?

А. А. Галлямов: Всё человечество осчастливить хотел.

Р. Р. Вахитов: Криминалисты это называют «маньяк».

Б. В. Орехов: Мотив сомнительный, действительно.

С. С. Шаулов: У Ракитина мотив — во-первых, он это предвидит: «В вашей семейке будет уголовщина» — он же прямо там говорит...

С. М. Шаулов: «...и если уж некому это сделать, так это я сделаю».

С. С. Шаулов: Нет, так он же на этом убийстве делает карьеру — он становится известным журналистом, он пишет в центральные газеты и так далее.

С. М. Шаулов: Ну, ради этого стоит...

С. С. Шаулов: Ради карьеры. Пожалуйста! В принципе, мотив можно кому угодно прицепить, кроме, разве что, Алёши.

А. А. Галлямов: Ну, почему кроме Алёши. Взять его мать — натуральная кликуша. И Фёдор Павлович ему периодически говорит: «А как ты на мать-то похож в этот момент», когда Алёша как-нибудь не так себя ведёт. Он очень импульсивный.

С. С. Шаулов: То есть допустить, что «состояние аффекта», смерть Зосимы...

А. А. Галлямов: «Состояние аффекта» — он же тоже Карамазов. В тихом омуте черти водятся. Это Дмитрий — он весь нараспашку: о чём думает, то и говорит.

М. С. Рыбина: Тут ещё один момент, никакой прямой связи нет, но меня заинтересовало, что у Алексея, мне показалось, есть какая-то склонность к плагиату — он постоянно какие-то уже известные модели отработывает: поцелуй после поэмы о великом инквизиторе, финал романа...

С. С. Шаулов: Поцелуй — это не плагиат, это он цитирует Ивану его же поэму, причём сразу после поэмы.

М. С. Рыбина: Я к тому, что он, в принципе, мог был воспринять идею Ивана, по-своему её переосмыслив.

А. А. Галлямов: Я всё никак не смог представить себе вот этот сад, вот

этот дом, где все они могли находиться, всё пытался рисовать — рисовать не получилось, потому что непонятно...

М. С. Рыбина: Они все сначала то в одном, то в другом месте оказываются.

А. А. Галлямов: Да. Потом, Смердяков и Алёша — где они там в этот момент могли все исчезнуть? Потому что Дмитрий тут же. Ну хорошо, Дмитрий ударил — побежал, а где остальные тогда, в этот момент? Вроде как были. И потом, ну, Дмитрий — точно известно, что он Григория тюкнул. «Выхватил пестик из кармана» — раз «он выхватил пестик из кармана», в кармане уже он не был окровавлен или, даже если что-то было окровавлено... потому что кровь-то на пестике была уже григорьева.

М. С. Рыбина: А потом что-то там с платком было, когда он окровавленный платок сунул в карман, то есть, опять непонятно.

Б. В. Орехов: Но он же отёр ему голову?

С. С. Шаулов: А может, у него пестик уже был в кармане окровавленный?

М. С. Рыбина: А потом уже платок.

Б. В. Орехов: Ну то есть мы всё в эти самые основные криминалистические моменты упираемся. Вот допустим, с этим мотивом всё — а он нам нужен, действительно?

С. С. Шаулов: А может, вспомним, что это всё-таки литературный текст?

Б. В. Орехов: Неплохо бы.

С. С. Шаулов: И зададимся вопросом: в романе озвучена единственная полная версия убийства — это то, что рассказывает Смердяков Ивану.

Б. В. Орехов: Которой, как мы говорили уже, мы не обязаны верить.

М. С. Рыбина: Как любому рассказчику, который уже не обладает статусом истины в последней инстанции.

С. С. Шаулов: Хорошо, но потом-то, вот как мы роман читаем, автор с этим соглашается? Ну, хорошо, рассказчик с этим соглашается или нет?

М. С. Рыбина: Так автор или рассказчик?

Б. В. Орехов: Но если это автор с меняющимися свойствами?

С. С. Шаулов: Да, действительно, у него очень меняются свойства.

М. С. Рыбина: В таком случае почему у него не может меняться свойство восприятия действительности, условной действительности?

С. С. Шаулов: Хорошо. Тогда надо выяснять, когда он не соглашается и кто именно не соглашается. И соглашается или не соглашается с этой версией.

Б. В. Орехов: И что это нам даст?

С. С. Шаулов: Нам это тогда даст уже, по крайней мере, то, что можно назвать в данном случае (поскольку это всё-таки не реальное убийство, а роман) наиболее весомой версией событий. Вернее, если это говорит автор...

Б. В. Орехов: В чём быть уверенным, я так понимаю, не всегда можно.

С. С. Шаулов: Не всегда можно, но, на мой взгляд, там и автор, и рас-

сказчик, всё-таки, версию Смердякова сомнению не подвергают, потому что это и версия самого рассказчика.

Р. С. Бакаев: Но ведь мы упомянули, что у него свойства меняются.

Б. В. Орехов: А вообще, можно, наверное, было бы расслоить этих субъектов повествования, если попробовать представить себе его как структуру, где речь идёт то о чём-то устойчивом, то, где речь идёт о неустойчивом. Сегодня, конечно, мы это не сделаем, но, наверное, теоретически это возможно.

С. С. Шаулов: Вообще, попытаться можно. С другой стороны, существует письмо Анны Григорьевны — она иногда отвечала на письма читателей, когда он сам не мог, — когда «Братья Карамазовы» ещё не вышли из печати целиком (они в журнале печатались) — там спрашивала читательница, чем всё кончается, кто убил, вернее.

М. С. Рыбина: Всё-таки, ведь интересует это читателя.

С. С. Шаулов: Там, кстати, ещё до объяснения Дмитрия читательница говорила: «Понятно, что убил не Дмитрий». Читателю было понятно это — не Ликушину, а нормальному читателю. И Анна Григорьевна ей отвечает, что Дмитрий невиновен, а убил лакей Смердяков. Понятно, что Анне Григорьевне тут стоит верить всё-таки.

Б. В. Орехов: Да ну?

М. С. Рыбина: Прислушаться — стоит.

Б. В. Орехов: Да, вот! Очень хорошее слово.

Р. С. Бакаев: «Федя, кто убил?»

М. С. Рыбина: А что понятно читателю нормальному, а не, так сказать, извращённому читателю — есть два типа чтения...

А. А. Галлямов: Нет, вопрос бы не возник, если бы Достоевский не умер в 81-м году, а вторую часть ещё выпустил. Глядишь, и проблемы бы не возникло.

С. С. Шаулов: Ну, там с этой второй... черновики-то где-то были, они прослежены (Б. Н. Тихомиров этим занимается) до второй половины сороковых годов, они несколько раз всплывали — в 18-м году, в 43-м, в 46-м, и, похоже, что они через Германию уехали в Латинскую Америку куда-то там. И там потерялись.

Б. В. Орехов: Ну, здесь, в общем, мы уже выяснили с Достоевским-то, мы выяснили, что перед ним вопрос, вроде как, не стоял.

А. А. Галлямов: Перед ним, скорее всего, не стоял.

Б. В. Орехов: Но тут же следующий шаг — это насколько Достоевский — хозяин собственному тексту.

С. С. Шаулов: А, ну, в этом смысле... Ну, тогда мы можем всё, что нам угодно, в текст «вдумывать».

С. М. Шаулов: Кстати, вот это вот многоуровневость рассказчика от знающего автора до включённого в текст рассказчика — это сознательно?

С. С. Шаулов: Это, скорее всего, сознательно.

С. М. Шаулов: Или здесь просто по обстоятельствам: что-то он может рассказывать как такой рассказчик, а что-то — вот так?

С. С. Шаулов: Нет, это, судя по всему, сознательно, он этим играл, потому что прослеживается, в общем, и эволюция этого «рассказывающего голоса»: от «Бедных людей» до «Двойника», «Бесы» — следующая важная веха.

Б. В. Орехов: Действительно ли одно следует из другого? Правда ли, что, если мы можем фигуру биографического Достоевского (автора) исключить из этой формулы, то тогда это дарует нам абсолютное волонтаристское право делать с текстом всё, что угодно? Потому что мы снова упираемся в проблему, которая несколько раз уже всплывала: автор — это кто такой? И текст с ним в отношениях каких находится? Автор — это демиург текста или хотя бы в каком-то смысле медиум?

Л. А. Каракуц-Бородина: Это зависит от типа текста.

С. С. Шаулов: И от уровня нашего анализа: если мы говорим о каких-то смысловых глубинах текста, там можно иметь в виду, что автор сам чего-то в своём тексте «недоувидел», а оно там есть. А если мы всё-таки рассуждаем на уровне сюжетном — наверное, в бессознательном состоянии такой вот сложнейший сюжетный каркас невозможно сделать. Наверное, для него самого сюжет был ясен.

Л. А. Каракуц-Бородина: Ну, а это: «какую штуку удрала со мной моя Татьяна»?

Б. В. Орехов: Об этом мы тоже уже говорили¹.

А. А. Галлямов: Мы знаем это только со слов.

С. С. Шаулов: Может быть, это пушкинское кокетство.

Б. В. Орехов: Или ирония.

С. С. Шаулов: В любом случае, это речь идёт о рождении сюжета, который, пока рождается, он, может быть, в чём-то автору и неподвластен. Но в уже завершённой вещи он писателю ясен. Достоевский мог не знать, кто убьёт в начале романа, когда начинал его писать.

А. А. Галлямов: Нет, он-то как раз знал.

С. С. Шаулов: А вот это, кстати, вопрос, знал ли он, когда начинал первые части, кто убьёт. Это большой вопрос, между прочим.

А. А. Галлямов: Кому он оставит эту честь.

М. С. Рыбина: Вот всем и оставил.

С. С. Шаулов: Но когда он это написал, он, понятно, что уже знал всё-таки.

С. М. Шаулов: То есть в начале-то это представляется так: а куда выведет

¹ См. Третье литературоведение. Материалы филолого-методологического семинара (2007—2008) [Текст] / Под ред. Б. В. Орехова и С. С. Шаулова. — Уфа: Вагант, 2009. — С. 126 (19 мая 2008 года).

сюжет? Тот и убьёт.

С. С. Шаулов: И Татьяна может удрать шутку.

Р. Р. Вахитов: Тоже в этом своя внутренняя логика есть, в общем-то.

М. С. Рыбина: Но насколько убедительно это будет для читателя?

С. С. Шаулов: Но когда сюжет уже завершён, что там может быть неясного?

С. М. Шаулов: Приходится и автору подчиняться логике какого-то сюжета.

Р. Р. Вахитов: В этом смысле структуралисты говорили о смерти автора: автор подчиняется внутренней логике текста.

С. С. Шаулов: Мы сейчас уходим в другую сторону. Мы говорим о том, можем ли мы доверять автору, что он знает собственный сюжет. Не какие-то там глубинные смысловые подтексты, а сюжет.

С. М. Шаулов: В итоге он, видимо, его всё-таки знает.

С. С. Шаулов: В итоге знает. Или мы полностью отказываемся от категории автора и заодно от литературоведения как науки, что тоже можно сделать. Почему нет?

Б. В. Орехов: Всем нашим потребностям она не удовлетворяет, но чтобы совсем отказываться... Не знаю, я пока не готов.

Л. А. Каракуц-Бородина: Простите за дилетантское суждение, но вот Ваш вопрос, который Вы задаёте, тоже упирается в эту проблему двух типов авторов¹, которую мы так и не решили, есть она или нет. Кажется, всё-таки есть. Если речь идёт об авторе идеологического типа, то, будем так говорить, с вероятностью он всезнающий. А если об авторе, мысль которого движется по уровню языка, то, может быть, что он ненадёжный повествователь. И там существуют чисто языковые показатели этой ненадёжности.

С. С. Шаулов: Но сюжет-то всё равно эмпирическому автору известен?

М. С. Рыбина: Но рассказчик-то всё равно не автор. Есть ещё одна точка зрения.

С. С. Шаулов: Я конкретизирую свой вопрос. Вот существует свидетельство жены Достоевского о том, что убил, по мысли Фёдора Михайловича, сам Смердяков. Я, кстати, думаю, что если порыться, то можно найти и свидетельство самого Достоевского.

М. С. Рыбина: Вот когда найдём, тогда будет другой разговор.

А. А. Галлямов: Просто на основе текста мы об этом знаем только со слов Смердякова.

М. С. Рыбина: Я тоже об этом хотела сказать. Насколько нас текст убеж-

¹ См. семинар «Идеи из языка, или О двух типах писателей» (19 декабря 2008) в наст. издании.

дает в том, что убил Смердяков? Достоевский может быть в этом убеждён, может не быть. Это другой вопрос.

Б. В. Орехов: В литературе могло случиться как угодно. Вот в статье Р. Г. Назирова «Фигура умолчания в русской литературе» как раз речь идёт про этот момент с отточием.

С. С. Шаулов: Резюме этого момента статьи, как я её помню, может выглядеть так: по всем законам реалистического (этот термин Назировым употребляется в расширительном смысле) повествования убить должен Дмитрий. Он к этому подготовлен сюжетно, психологически, даже идеологически, не говоря уже об эмоциональной стороне дела. Именно он и должен стать убийцей. И в этот момент происходит чудо. Поскольку Достоевский в рамках реалистического повествования чуда изобразить не может, там следует вот эта вот строка многоточий и дальше сюжет временно прерывается.

С. М. Шаулов: Он потом говорит: «То ли мать моя умолила Господа на небесах» и так далее.

С. С. Шаулов: Да. Чудо это описывается потом в речи самого Дмитрия. От лица персонажа это чудо уже можно описать. Но не в авторской речи.

А. А. Галлямов: Но если использовать категорию чуда, тогда и Алёша, и Дмитрий тоже могли «чудесным образом» убить... Нет, я не утверждаю, что я знаю, кто убил. Читал-читал, пытался картиночки рисовать — не получается.

С. С. Шаулов: Там сейчас расширили мостовую, так что следственный эксперимент уже не поставить. Потому что дом Фёдора Павловича — это дом самого Достоевского в Старой Руссе. Но сада уже нет.
